

Faculté des Lettres / Philosophische Fakultät
Département des langues et littératures
Departement für Sprachen und Literaturen
Domaine Slavistique
Bereich Slavistik
Prof. Dr. Jens Herlth
Rue du Criblet 13
CH-1700 Fribourg

T +41 26 300 7912
E-Mail jens.herlth@unifr.ch
www.unifr.ch/slavistik

Рецензия на монографию «Русский традиционализм: история, идеология, поэтика, литературная рефлексия» (отв. ред.: Н.В. Ковтун)

Монография «Русский традиционализм: история, идеология, поэтика, литературная рефлексия» представляет читателю тридцать статей, посвященных литературе русского традиционализма. Книга состоит из четырех разделов. Во вступительной главе редакторы подчеркивают актуальность исследуемого феномена: статьи освещают проблему традиционализма в русской литературе и культуре последних лет с различных сторон и под различными методико-тематическими ракурсами. Диапазон статей простирается от идеологических и философских корней консервативной и традиционалистской мысли до конкретных эстетических презентаций этой мировоззренческой ориентации в литературе последних лет. В целом статьи монографии приносят много интересных наблюдений, представляют целый ряд любопытных case studies.

К сожалению, не всегда авторам удается сохранить надлежащую дистанцию по отношению к исследуемому объекту. Иногда их симпатия – если не к политическим убеждениям лагеря консерваторов и традиционалистов, то к традиционным «русским» ценностям – отражается прямо в подборе ссылок и философских референций. Так, например, формулы типа «метафизическое пространство национального самосознания», «национальное начало мысли писателя», «персонификации<я>» общенородного мирочувствия», «наши<...> духовно-культурны<е>» накопления<...>» и т. п. (из статьи А. Дырдина), мало дают в аналитическом плане, но зато декларативно заявляют об идеологических склонностях автора.

Особенно проблематичным мне кажется, что в книге почти полностью отсутствует контекст современных «западных» исследований о национализме, о таких ключевых для данной монографии категориях как «этническая идентичность», «народ», «нация». Само разделение на западные («европейские») и «отечественные» исследования, часто встречающее в статьях книги, кажется мне неуместным. Следовало бы

выбрать более подходящие и продуктивные с научной точки зрения теории и методологические подходы.

За редким исключением, представленные в монографии работы ограничиваются теоретическими подходами из «отечественного» литературоведения. Но именно феномен традиционализма требует освещения в компаративистском ракурсе. В отдельных статьях наблюдается циркулярная аргументация, когда априорно предполагаемые «русские» ценности анализируются с помощью подчеркнуто «русских» же теоретических построений и методологических подходов. Когда речь идет об «отечественной нарратологии», спрашивается, чем такая «отечественная нарратология» может отличаться от «западной». Общеизвестно, что та же «западная» нарратология XX века развила под сильным влиянием со стороны российских теоретиков; замыкание в изолированном – прежде всего с языковой точки зрения – пространстве «отечественной» теории кажется мне малопродуктивным путем. Эти критические замечания касаются далеко не всех статей монографии, но все-таки значительной их части. Некоторые статьи вообще обходятся без ссылок на теоретическую литературу, строятся в непосредственном «диалоге» между исследователем и материалом. Не всегда подобный «аскетизм» дает такой интересный результат, как в случае замечательной статьи Б. Егорова о Б. Чичибабине. Вообще я думаю, что качество монографии выиграло бы от более строгого отбора отдельных статей.

Есть целый ряд сильных, любопытных по содержанию и хорошо обдуманных в теоретическом плане статей. Здесь хотелось бы упомянуть в первую очередь вступительную статью, а также статью А. Казаркина о Клюеве, статью Т. Кругловой о проявлениях традиционализма в искусстве сталинского периода, статью А. Разуваловой о самонаименовании неотрадиционалистских сил в постсоветский период, статью М. Перкиемяки об экологическом новаторстве В. Распутина, и, конечно, глубокую статью Н. Ковтун о визуальных аспектах в прозе того же писателя. Статья Г. Михайловой показывает параллели между развитием новейшей русской литературы с одной и польской и литовской литератур с другой стороны, подчеркивая при этом, что традиционалистские тенденции не являются отличительной чертой только русской постсоветской литературы. Оказывается, что мифологемы, которые авторы многих статей приписывают исконно «русскому» мироощущению, как ни странно, появляются также у традиционалистски настроенных писателей иных европейских литератур.

Некоторые статьи явно оставляют желать лучшего. Так напр. у Н. Пращерук читаем, что «Книги Е. Домбровской написаны чистым и глубоким русским языком», читаем также о «щедрост^и образов» той же самой писательницы. Статья обходится почти без ссылок на исследовательскую литературу (одна сноска на А. Белоусова, одна на М. Эпштейна, одна на...: Н. Пращерук). Жалко, что в одной части монографии Толстой цитируется по интернету (т.е. без указания страниц), хотя тома его ПСС доступны в форме PDF. М. Черняк пишет, что после Революции «на смену мифологемам, рожденным на глубине русской истории и культуры, пришли новые мифы» – как будто русская классика XIX века не была прежде всего ориентирована на общеевропейские философские и литературные модели. Отдельные статьи не выходят за рамки поверхностной и не очень обдуманной

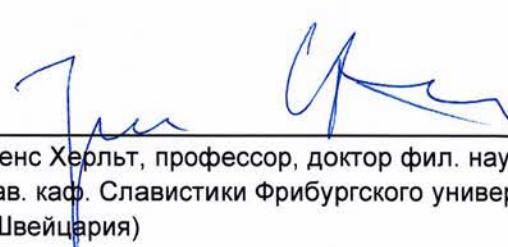
полемики (Т. Никонова).

Ряд статей четвертого раздела («Писатели-традиционисты в зеркале литературной критики и компаративистики») затрагивают проблему перевода. В статье, посвященной переводам произведений В. Астафьевого, автор (В. Разумовская) довольствуется достаточно поверхностными наблюдениями; несколько страниц она посвящает различным вариантам перевода названия книги «Царь-рыба» на иностранные языки и в конце статьи приходит к (вполне ожидаемому) выводу, что «глубина понимания переведенной информации напрямую зависит от образовательного уровня читателя».

Я не обратил внимания на отдельные ошибки, поскольку работал с предварительной версией текста. Нижеследующие неточности – скорее случайные находки, на которые хотелось бы обратить внимание редакторов: «время действия» романа «Обломов» – несомненно 1840-е гг. XIX века, но в статье Е. Шевчуговой речь идет в основном о главе «Сон Обломова», в котором повествуется о детстве героя (т.е. 1810-е гг.). В статье И. Багратион-Михранели нашел непривычную формулу «побед^{<а>} небытия над смертью» – не совсем понимаю, что это означает. В той же статье читаем о «предвоенной и военной пор^{<е>} XX века» – тут задаемся вопросом, о какой войне идет речь, о первой или о второй мировой? Автора статьи «История литературы как провокация литературоведения» зовут Ханс-Роберт Яусс (т.е. фамилия: Яусс).

Несмотря на выше упомянутые критические пункты, общая заслуга книги мне кажется бесспорной. Она представляет собой важный вклад в исследование русского традиционализма. Как и другие работы Н. Ковтун и ее коллег, настоящая монография является необходимым источником сведений для каждого, кто интересуется традиционалистскими, консервативными и почвенническими течениями в русской культуре XX и XXI вв.

Фрибур, 31 мая 2016

Йенс Херлт, профессор, доктор фил. наук
зав. каф. Славистики Фрибургского университета
(Швейцария)